

СЦЕНА

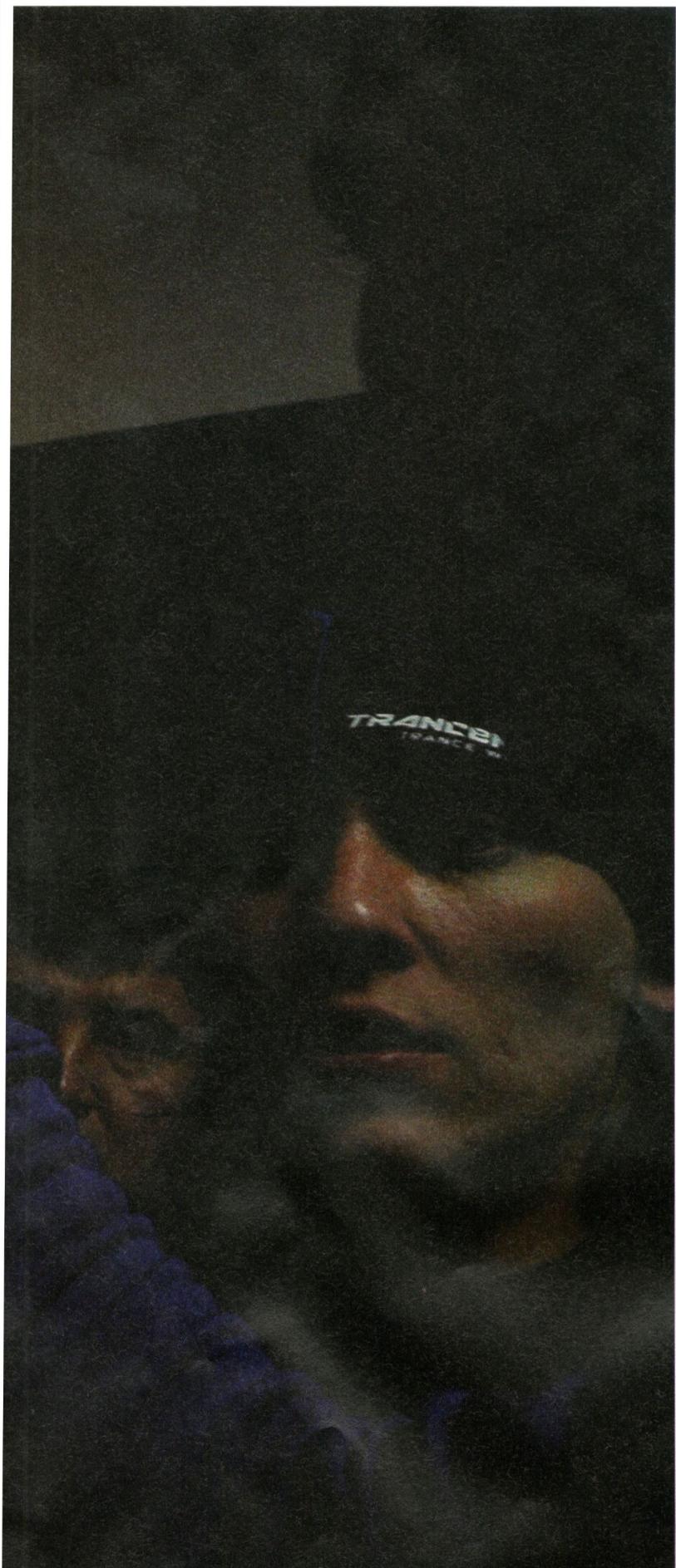
ПОЧЕМУ ЗА НАРКОТИКИ МОЖЕТ СЕСТЬ ЛЮБОЙ

Полиции легче ловить
потребителей,
чем сбытчиков

ТЕКСТ: Дарья Данилова,
Ольга Тимофеева-Глазунова

136 тысяч человек в России сидят
за решеткой по «наркотическим»
статьям Уголовного кодекса —
больше, чем за любые иные
другие преступления.
Причем это в основном
не мафиози. 40% женщин-
заключенных сидят именно
за наркотики. Колонии и СИЗО
переполнены потребителями,
пойманными с минимальной
дозой, — обычными людьми,
которые если и принесли
кому-то вред, то в подавляющем
большинстве самим себе. Это
новые прокаженные. Они лишены
права голоса. Общество
их не видит. Люди так боятся, что
их дети могут стать наркоманами,
что позволяют полиции делать
из них заключенных

Фотография:
Валентина Свистунова/
Интерпресс/ИТАР-ТАСС

17

октября Канада легализовала марихуану. А в Магнитогорске 16-летнему школьнику грозит до 10 лет тюрьмы за то, что летом этого года взял закладку. Наши суды еще и не любят оправдательных приговоров, даже в совсем абсурдных случаях. 21 сентября в Перми к году лишения свободы условно приговорили пенсионера, ветерана труда Игоря Трошева за кусты мака, выросшие у него в огороде.

Во многих странах легализуют или декриминализуют оборот легких наркотиков, в России сажают все чаще. Количество преступлений и осужденных по большинству составов преступления падает в нашей стране, но за наркотики — растет. «РР» разбирается, как 228-я статья Уголовного кодекса стала народной, и рассказывает историю поэта Андрея Егорова, лауреата премии «Дебют» и финалиста Илья-премии, который четыре месяца провел в СИЗО, а сейчас ожидает решения суда. Одно из стихотворений, которое Андрей написал в тюрьме, называется «Послания мертвого космонавта»

Андрей Егоров. Худший случай

Я взял закладку, уже отправлялся домой. Сейчас, по-моему, никто не встречается лично. Некоторое время такси проехало, потом его остановила полицейская машина. Меня вытащили из такси и защелкнули на мне наручники. Пакетик с веществом (альфа-PVP, 1,7 грамма) я уронил на пол. Долго ждали эксперта, он ехал около часа. Все проводилось по правилам, но по правилам очень долго. Было 5 или 6 мая, три или четыре часа утра. Я стоял на Дмитровском шоссе... Такое интересное ощущение, что жизнь окончена. Только что жизнь была, и теперь у меня ее нет.

Я думал, как из этой ситуации выпутываться. Собственно, выпутываться из нее я думал через суицид. Что я и сделал спустя несколько дней. Я перерезал себе запястную артерию. Но этого оказалось недостаточно, потому что я к тому времени был достаточно сильно обезвожен — пока я находился в ОВД, там шел ремонт, не работали обезьяники, и я провел около 17 часов фактически на привязи.

Меня приковали наручниками к дюжему полицейскому. Есть мне было нечего, да и не очень хотелось. Больше всего хотелось спать. Потом, когда меня перевели в ИВС, я тоже там ничего не пил. Потом суд, потом в СИЗО карантин так называемый, в который помещают новичков. В общем, я был достаточно сильно обезвожен, истощен, и это помешало мне умереть.

Кровь шла, приходилось постоянно вычищать пальцами тромбы, чтобы она дальше текла, а потом я просто потерял сознание, и она остановилась. Я лежал на втором ярусе, и кровь, просачиваясь сквозь матрас, капала на человека, который спал внизу. Он, наверное, проснулся весь в кровинку. (Позже этот момент найдет отражение в «Стишке про апельсин (in the name of Great Justice)». — «РР».)

У меня есть привычка относиться к реальности пессимистично, чтобы она в самом худшем случае не удивила. Худший случай оказался именно таким, каким я его себе представлял... я до сих пор считаю, что тогда, на карантине, я поступил правильно, и до сих пор жалею, что у меня это не получилось, потому что физически я освободился на какое-то время, но, разумеется, это не чувствуется как свобода. Сейчас я пытаюсь работать, пытаюсь как-то

взаимодействовать с людьми, это на некоторое время отвлекает, но это все равно жизнь с дамокловым мечом над головой.

Альфа-PVP

— Альфа-PVP относится к категории стимуляторов, — рассказывает Александр Дельфинов — поэт, социальный активист и журналист, специализирующийся на теме международной наркополитики. — Это синтетический катинон. У этой группы веществ есть природный прообраз — растение под названием «кат», широко распространенное в Африке. В Европу кат часто привозят африканцы. Как правило, синтетические аналоги вот таких растений намного сильнее оригинала. При злоупотреблении эти вещества могут вызывать серьезные расстройства поведения, нарушения сна, острый психоз. Они воздействуют на сердце, вызывая тахикардию, головную боль, повышение давления и температуры. Но могут и не вызвать. Физической зависимости, как от героина, от этих препаратов нет.

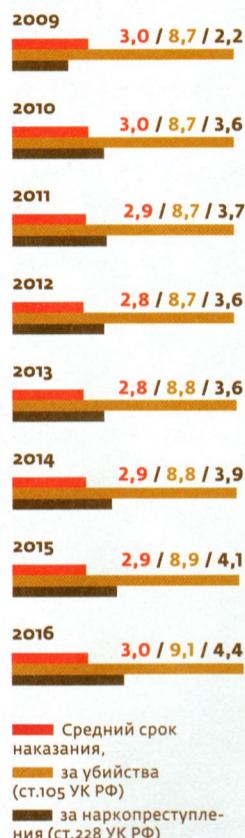
В 2012 году в России появилось понятие «производных наркотических средств». Как значилось в постановлении правительства, это наркотики, «химическая структура которых образована заменой... одного или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в химической структуре соответствующего наркотического средства». То есть если химик-умелец у себя на кухне заменил в амфетамине один компонент на другой, полученный продукт также будет считаться запрещенным веществом.

— Введение этого понятия было связано с тем, что стали очень активно распространяться синтетические каннабиноиды и другие дизайнерские наркотики, — объясняет правозащитник и юрист Арсений Левинсон, специализирующийся на делах, связанных с наркотиками. — В кустарных лабораториях научились очень просто менять формулу. Вещества сохраняли психоактивный эффект, но до 2012 года не подлежали контролю. Когда начали контролировать производные, уголовный закон стал неопределенным. Человек не может понять, какое вещество является производным, а какое не является. Списка производных не существует. Мы как-то сделали запрос в ФСКН (Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, Госнаркоконтроль России — ведомство упразднено в июне 2016 года, а его полномочия переданы МВД. — «РР»), попросив сообщить все производные синтетического каннабиноида JWH073. Нам отказали, объяснив, что это число с девятью нулями.

— Аналогия абсолютно недопустима в уголовном праве, — поддерживает знаменитый криминолог Яков Гилинский. — Все статьи уголовного кодекса, где речь идет об аналогах, противоречат элементарным принципам уголовного права. Поскольку списка аналогов не существует, аналоги — это все, что придумает следствие и послушная экспертиза.

В России перечень наркотиков делится на четыре списка: первый — полностью запрещенные, второй — ограниченные в обороте и контролируемые, третий — ограниченные с послаблениями, четвертый — прекурсоры. Например, нелегальный героин находится в первом списке, а применяемый в медицине морфин — во втором. Так, вещество альфа-PVP одновременно является производным вещества из первого списка и из третьего. Получается правовая неопределенность — непонятно,

Средний срок тюремного заключения по статье 228 вырос в два раза

Поэт Андрей Егоров
месяца провел в
а сейчас ожидает
суда по народной
228-й статье Уголовного
кодекса

какую именно ответственность повлечет его распространение или хранение.

— Психоактивные вещества не всегда приносят вред, — говорит Александр Дельфинов. — Морфий в России легально используется как обезболивающее средство. Но если вы будете его употреблять для физического удовольствия — релаксации, тогда можно получить побочный эффект в виде зависимости. Может возникнуть физическая зависимость или поведенческое расстройство. У людей, склонных к психическим заболеваниям, может произойти обострение. Но, с другой стороны, люди с психическими расстройствами часто используют психоактивные вещества для самолечения.

Андрей Егоров. Время

Я плохо помню эту ночь. В четыре утра понятых пришлось поискать. Тормознули каких-то велосипедистов, они просто мимо ехали. Эксперт был с чемоданчиком. Все, что изъяли, положили в конвертик. Два человека, которые задержали меня, молодые пэээнники, никак не выказывали своего отношения. Я практически не взаимодействовал с ними, я был только мебелью, которая стояла в сторонке и мерзла.

Я очень много думал о моих близких, и это стало одним из мотивов того, что я сделал впоследствии. Довольно тяжелая ситуация для тех, кто остается на свободе. Я не хотел, чтобы им пришлось переживать борьбу с этой неподатливой, неповоротливой системой из-за меня.

Фотография:
Анна Вяземская

**Андрей Егоров
Стишок
про апельсин
(in the name
of Great Justice)**

Когда ты пристегнут к полицейскому, нельзя ни прилечь, ни присесть сколько-нибудь даже качественно. Правда, полицейский к тебе тоже пристегнут, но они менялись, а я нет. Еще эти звуки ремонта, потому что тогда ремонт был в самом разгаре в отделении.

Ожидание, ожидание, ожидание, потом поехали обыскивать квартиру, в которой я жил. Не помню, кто открывал дверь, помню, овчарку гоняли по всей квартире, чтоб она вынюхивала. Ничего особенного не вынюхала, я никогда раньше не покупал помногу. Я был так же в наручниках, мне сказали не шевелиться, я и не шевелился.

Это был день, часа два-три-четыре, было довольно жарко. Кое-кого из соседей попросили в понятые. В такой ситуации мелочи уже не очень болезненны. Если на человека свалилась глыба, жаловаться на прищемленный пальчик довольно глупо. У меня там были шоколадные батончики, спросил, можно ли мне с собой взять поесть хоть что-нибудь. Не дали.

Не могу вспомнить, сколько прошло времени. Дело в том, что я довольно долго не спал, и больше всего в этот момент я хотел спать. Не спал, не ел, не пил. Там был один человек из Таджикистана, у него были какие-то проблемы с документами, он приходил-уходил свободно, но ему нужно было оставаться в отделении, даже не знаю, зачем. Он пошел купить себе поесть, он меня уговаривал газировкой. Но это и все.

Потом меня отправили в изолятор временного содержания — этого я уже не помню совершенно. По-моему, сразу же, как меня завели в камеру, я упал спать и проснулся только, когда пора было ехать на суд. Но я могу путать, потому что событийная последовательность у меня плохо отложилась. Я помню только, когда после суда меня отвезли в СИЗО.

Сажать или лечить

Австралия, Нидерланды, Германия, США, Уругвай, Канада — большинство стран, частично разрешивших наркотики, традиционно занимают высокие строчки в демократических рейтингах. Но легализация психоактивных веществ и уголовная ответственность для потребителей зависят от уровня демократии лишь отчасти.

Марихуана разрешена и в Северной Корее, и в Бангладеш, которые не назовешь образцами демократии. Отнюдь не демократичный Иран в начале XX века занимал второе место в мире по производству и употреблению опиума. Страна и сегодня является одним из самых крупных потребителей опиоидов. Для наркоторговцев здесь приготовлена смертная казнь — их публично вешают на подъемных кранах. При этом употребление наркотиков не карается законом, а наркоман может получить заместительную терапию.

Яркий пример активной социальной наркополитики — Германия, одна из самых демократичных стран мира. Употребление психоактивных веществ здесь незаконно. Страна имеет давнюю историю борьбы с наркотиками. В начале 1970-х в Германии случился героиновый бум. Резко увеличилось число несовершеннолетних наркоманов. В качестве ответа бундестаг запретил использовать большинство наркотиков даже в медицинских целях. Криминальной стала покупка наркотиков для личного пользования. К наркоманам применяли жесткие методы. Их принудительно отправляли в закрытые психиатрические лечебницы или тюрьмы. Все это увеличивало

третий час бодрствования
с сокнутыми веками:
сон арестанта медлителен
как и все остальное

так кровь
из неторопливо вскрытой
запястной артерии
медленно пропитывала
худой матрас

собиралась в капли
задумчиво рисовала
горошины
на лице арестанта
ярусом ниже

пока тонкий
пульсирующий фонтанчик
наконец не иссяк
слишком рано

криворукий
даже сдохнуть не можешь
лениво злится арестант

потирает пульсирующий
рубец
скрючившись на слишком
короткой
узкой
жесткой
(тут ничего не делают
наполовину)
койке

переворачивается
на другой бок
трет лоб
отгоняет мысли
свободного человека
слишком чистые
чтобы думать их здесь

раздраженно думает
о мальчике
который выжил
когда сама жизнь отре-
клась от своих детей
и о том
что персонажа будут
путать с автором
как бы ни был последний

достоверно мертв
глубоко закопан
накрепко забыт.

я действительно лечит. Да, человек, который т, — он умирает навсегда, но... у меня кроме отца юльше не умирал из близких. Но я знаю, что спу-
се-то время чувство окончательной потери уже
устро. Все вот эти четыре месяца я фактически
тим самым мертвцем, который мог отвечать
ма.

исто очень много думал в свое время, что я буду
если узнаю, что у меня какой-нибудь неприят-
агноз, вроде рака в терминальной стадии. Я думал,
щие всего хочу, чтобы кто-то болел этим вместе
и. А заключение — это такой же рак в терминальной
, ощущается ничуть не лучше.

спросили, что за вещества, я честно ответил.
долгая ночь продолжилась, меня повезли в отделение — на медицинскую экспертизу, я должна была показать, нахожусь я в состоянии
ического опьянения или нет. Да, находился.
чика, в которой проводили экспертизу, была
недалеко от места, где я тогда жил, на пере-
е Космонавта Волкова и Большой Академической,
леку от торгового центра «Метрополис», родные
Все подмывало сказать: меня можно тут высадить, ешком дойду.

огу сказать точно, сколько прошло времени.
ективным воспоминаниям получается,
ько суток я провел только в ОВД. Это, конечно,
я там провел часов 17, наверное. Но это уже потом
труировал.

PP 5-19 НОЯБРЬ 2018 15

их общественную изоляцию, но проблему не решало. Зато число зараженных гепатитом достигло критического уровня.

— В начале 1990-х годов я видел уличные тусовки, где продавали наркотики, — вспоминает Александр Дельфинов, живущий в Германии. — Сотни людей в центре Берлина, Бонна, Гамбурга. Там были люди в рваной одежде, немного «покоцанные» — типичные торчки. Больше их нигде нет.

В середине 1990-х Германия сменила курс наркополитики. Функцию борьбы с наркоманией забрали у МВД и передали социальным и медицинским фондам. Вместо того чтобы загонять наркоманов в угол, немцы начали социализировать их. Кампания действовала под лозунгом «Терапия вместо наказания». В некоторых городах в тестовом режиме запустили программу обмена шприцев, открыли «комнаты здоровья» и разрешили заместительную терапию. Сейчас в Германии более тысячи благотворительных организаций, работающих с наркозависимыми и потребителями психоактивных веществ.

— Они проводят профилактику среди школьников и студентов, в группах риска и с теми, кто уже употребляет, — рассказывает Александр Дельфинов. — Если у вас есть проблема с употреблением веществ, вы можете пойти в больницу и начать лечение. Вам проведут заместительную терапию, замещая нелегальные препараты легальными. Но у наркозависимого могут быть и другие проблемы. Он живет на улице, потерял все документы. Он может прийти в такую организацию и попросить о социальном сопровождении. Социальный работник помогает ему восстановить документы, находит ему бесплатную квартиру. Есть группы самопомощи, где бывшие и действующие потребители встречаются и делятся своими проблемами, ищут пути решения. Можно пройти курс психотерапии. Если уже есть приобретенные заболевания, найдут врача. А если нет страховки, помогут получить социальный грант.

В 2000 году «комнаты употребления наркотиков» получили законный статус. После этого за десять лет в Германии количество смертей от нелегальных веществ сократилось более чем в два раза. В последние годы финансирование программы было заморожено. Уровень смертности снова стал расти.

И все же эффективность подобной социальной наркополитики неочевидна. В 2017 году в Германии было зарегистрировано 330 тысяч преступлений, связанных с наркотиками. Их число растет уже семь лет подряд. В России, с населением почти вдвое больше, в том же году завели около 200 тысяч дел.

Андрей Егоров. Кошкин дом

Все, что я сделал в тюрьме, — написал где-то десяток стишков, довольно неплохих. Это был способ хоть ненадолго отвлечься от происходящего, потому что там очень остро чувствуется время. Не знаю, как с другими людьми, я в принципе очень остро чувствую время, когда я чем-то не занят. Оно утекает, как будто каждое движение стрелки отрезает от тебя тоненький розовый ломтик, как хамона, он просвечивает, если посмотреть сквозь него на солнце. А в тюрьме — там особо не на что отвлечься, понимаете. Дело в том, что там даже с книгами строго. Все очень медленно, страшно медленно.

Раз в две недели приходят люди из библиотеки, есть возможность заказать книги, на следующей неделе они приходят и приносят не то, что ты заказал, а то, что у них было. Один раз, уже в последний месяц в СИЗО, какая-то немыслимая судорога реальности закинула в камеру несколько хороших книг. Среди них был интересный билингвальный сборник американской короткой прозы XX века, изданный в 1989 году, — Хемингуэй, Сэлинджер и так далее. Это на какое-то время отвлекло, а так... обычно там из книг была какая-нибудь жвачка, которая прочитывалась, я просто очень быстро читаю, в тюрьме это проклятие.

Чем страшна тюрьма — она даже из того, что считаешь своими достоинствами, способна сделать недостатки. То же самое быстрое чтение — чудовищный недостаток, потому что одной книги хватает дня на три, а дальше... Друзья заказали мне книги через Ozon, и они пролежали на складе и в библиотеке где-то около месяца, я узнал, что их принесли в мою камеру ровно в тот день, когда у меня был последний суд о продлении меры пресечения, то есть я вышел.

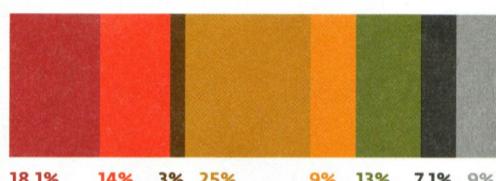
К счастью, в той камере было кому их читать: там были умные люди из хороших семей, которые читают книги. Молодые люди, которым, прямо скажем, там не место. Камера на 8 коек, 12 человек, спали по очереди. Большая часть людей была по 228-й. Они проходили по более тяжелой статье, за сбыт. Ну вот те самые курьеры, которые закладывают закладки, — они по большому счету не продавцы, а просто посредники, они чаще всего попадаются и получают самые тяжелые сроки. То есть очень редко кто-то ловит организаторов. Это фактически война с наркоманами.

Рейд Госнаркоконтроля Госнаркоконтроля 31 марта 2016 года: генерал-полковник Николай Ильин объявлен в международный и заочно арестован по обвинению в с организованной преступностью

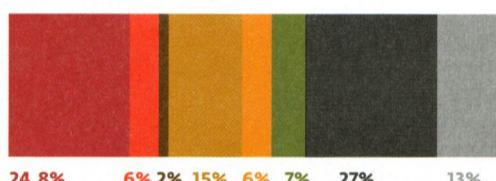

За 13 лет доля осужденных за наркотики среди тюремного населения выросла почти втрое. Сегодня это практически треть всех заключенных в стране

2004

2017

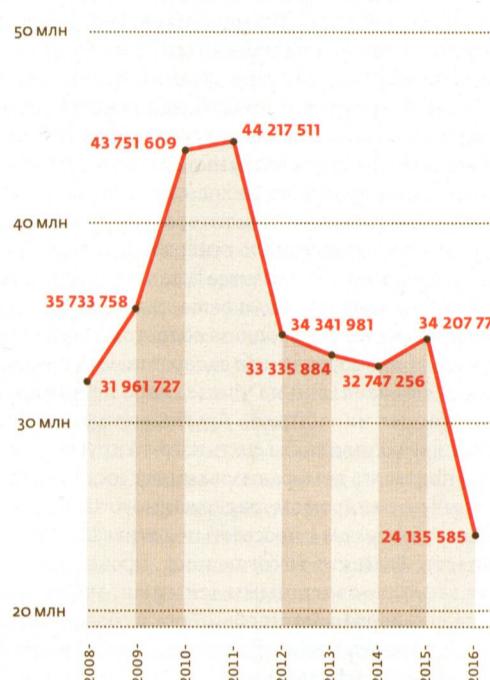
■ убийство — ст. 105 УК РФ
 ■ умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — ст. 111
 ■ изнасилование, насилистные действия сексуального характера — ст. 131
 ■ кража — ст. 158
 ■ грабеж — ст. 161
 ■ разбой — ст. 162
 ■ преступления, связанные с наркотиками — ст. 228–234
 ■ прочие

того как я попытался суициднуться, я попал к больничку. При Бутырке есть что-то вроде реческой лечебницы, называется Кошкин дом. Там сидели два человека, которые попались, взяв закладку. Но проблема в том, что у них скрыли фотографии более ранних закладок. Ованием этих фотографий их осудили за сбыт, али десять лет, другому — одиннадцать. Тот, кто-то одиннадцать, — совсем мальчик, ему лет 20, пад экстази. Все время до суда он провел под дозой, после суда попал в СИЗО, он там ждал и, и что с ним дальше, я не знаю. Нынешний кодекс почему-то гораздо более репрессивен по отношению к тем, кто сидит по наркотическим статьям, а не по отношению к тем, кто сидит за убийство. А за убийство можно условно досрочно освободиться истечении двух третей срока, а если статья связана с наркотиками, то это три четверти срока. Сто-нибудь ограбить, — есть вероятность попасть в режим в тюрьму, и срок, отбытый в СИЗО, считан как день за полтора. У наркотических кроме первой части 228-й, срок, проведенный — день за день.

Госнаркоконтроль

В 2016 году в России существовала Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, она же Госнаркоконтроль. Она расследовала преступления, связанные с наркотическими веществами. Параллельно на наркотиков охотились сотрудники МВД. Соперничество между ведомствами приводило к абсурдным ситуациям.

Объем изъятых наркотических, психотропных, сильнодействующих средств и их аналогов (по предварительно расследованным преступлениям, в граммах)

Например, в год возбуждалось до 2,5 тысячи дел по продаже мака, в том числе и пищевого.

— Между ФСКН и МВД была конкуренция, нужно было находить новые области для борьбы с наркотиками, — говорит юрист и правозащитник Арсений Левинсон. — Они криминализировали деятельность, которая является безопасной. Например, Госнаркоконтроль ввел очень строгие правила оборота прекурсоров — веществ, которые могут быть использованы для изготовления наркотиков. (Так в списки особо контролируемых веществ попали строительные растворители и возникло «дело химиков» — против компаний «Софекс», — «РР».) Они пролоббировали изменения в законодательстве и стали следить за оборотом соляной кислоты, серной кислоты, марганцовки и т. д. Начали кошмарить бизнес по всей стране, проводить проверки лабораторий бытовой химии, автосервисов, школ. Бесконечные проверки, чудовищные штрафы... Пришли в стоматологию, у них неправильно велся журнал прекурсоров, забыли написать, что на протезирование зуба потратили 0,1 грамма этого метилакрилата — в результате штраф на сотни тысяч.

В конце 2015 года эксперты проекта «Открытая полиция» Комитета гражданских инициатив сравнили данные МВД и Госнаркоконтроля об изъятых веществах. Оказалось, что результаты одинаковые: как правило, это крошечные дозы, считанные граммы по большинству типов наркотиков. Средний объем арестованного героина составлял 1–3 грамма, марихуаны — до 50 граммов. Стало очевидно, что и полицейские, и профильное ведомство, призванное бороться с оптовым наркотрафиком, на деле занимаются только потребителями.

31 марта 2016 года замглавы Госнаркоконтроля генерал-полковник полиции Николай Аулов был объявлен Испанией в международный розыск и заочно арестован по обвинению в связях с организованной преступностью. Вечером Путин вызвал на ковер главу ведомства Виктора Иванова, а через пять дней подписал указ об упразднении Госнаркоконтроля. Его функции передали МВД вместе с большей частью сотрудников. И от перемены места работы их почерк не изменился, хотя злоупотреблений стало поменьше, считает Арсений Левинсон:

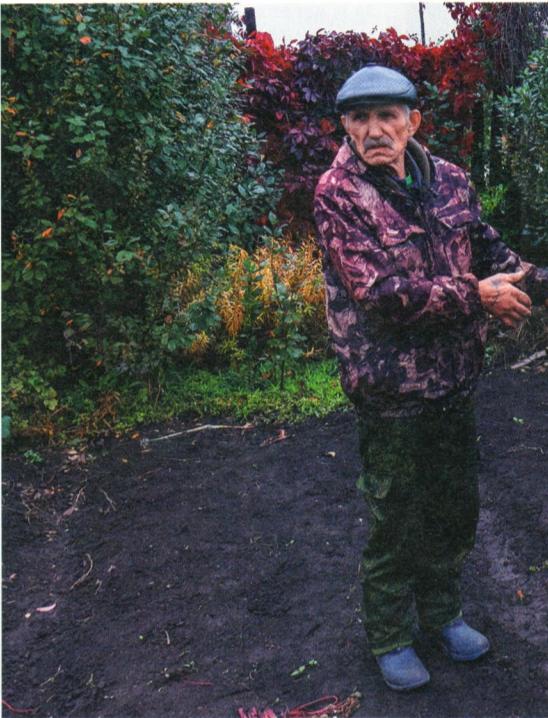
— Госнаркоконтроль отличался идиотскими делами, такими как «маковые»; сейчас новых бакалейных дел мы не видим. Стало меньше дел, связанных с пропагандой наркотиков, когда наркополицейские ходили по книжным магазинам и искали в современной литературе пропаганду наркотиков. И чуть меньше стало генералов, которых мы кормим. Но в глобальном смысле все осталось по-прежнему.

В МВД запрещенными веществами занимается Главное управление по контролю за оборотом наркотиков. Как правило, его сотрудники задерживают курьеров, которые оставляют закладки на улице, либо по наводке ловят тех, кто пришел их забирать. Другой метод — поймать покупателя и заставить его сдать кого-то другого. Под пытками или пользуясь деморализованным состоянием и абстинентным синдромом, задержанного заставляют звонить своим знакомым с просьбой поделиться, продать из своих запасов. Если кто-то согласился, проводится «проверочная закупка» с мечеными деньгами, после которой «продавца» задерживают и обвиняют в сбыте. Нет, никого не интересует, что на самом деле это не распространение наркотиков, а провокация.

Андрей Егоров. Поиски

Я думал о друзьях, о моей любимой, она была в это время во Франции. Отец умер, с матерью мы не общаемся, она очень сложный человек. Потому что... ну вот что такое domestic violence, я знаю не понаслышке именно благодаря ей. Брат живет на Камчатке, у меня давно нет с ним связи. Сестра за пределами России, но после того, как я вышел из СИЗО, мы с ней связались и умудрились примириться после долгих лет сдержанного противостояния.

Дело в том, что друзья и есть моя семья. У меня другой семья, пожалуй, никогда и не было. Не считая отца, но отец умер. Большинство из них тоже, как я, поэты и писатели. Да, еще я думал о работе, которую мне предстояло сдавать. На самом деле мои коллеги для меня очень много сделали. У меня есть некоторые проблемы

в отношениях с людьми, я никогда не знаю, что с думают и что они чувствуют. Хотя говорят, что для норма обратное, но я не очень в это верю. И вот, п я сидел, я узнал, насколько меня любят. Даже не с того, что я друзьям задолжал примерно полмиллиона я сидел. Адвокат один, адвокат второй.

Когда я пропал, друзья меня искали. Меня начали искать уже на следующий день. Мне разрешили поговорить, но проблема в том, что телефон у меня к тому времени забрали, а на память я ни одного номера не могу вспомнить. У меня очень плохая память на цифры вообще; кроме того, у меня в свое время была довольно тяжелая чмозговая травма, в височной доле, которая как раз влияет на память, за речь. Последствия этой травмы проявились до сих пор, и этот стимулятор, альфа-PVP, — это была попытка вернуться в нормальное состояние в котором я был до травмы.

Я до сих пор могу застыть на 15 минут, глядя на что-нибудь грамматическую конструкцию, — напоминает редактор — и думая о том, насколько она вообще имеет право на существование в рамках русского языка.

Портрет заключенного: молодой человек до 30 лет, срок — 5 лет

Руководитель Института проблем современного общества Ольга Кийуцина обращает внимание на два факта: в 2017 году количество людей, которых осудили по наркостатьям, сократилось на 1,4% по сравнению с 2016-м. За то же время общее число осужденных приговорами суда уменьшилось на 5,8%: — Это говорит о том, что на фоне общего снижения преступности

динамика по наркостатьям не столь уж оптимистична. Число тех, кто был осужден по статьям, связанным с наркотиками, все еще велико — в 2017 году 102 тысячи человек. Хотя это и самый низкий показатель с 2009-го, обвинительные приговоры, связанные с наркостатьями, остаются самыми массовыми — почти 15% от общего числа всех вынесенных судами решений. В настоящее время те, кто сидит за преступления, связанные с наркотиками, — основной контингент исправительных учреждений. Их в тюрьмах

уже больше, чем убийц. Это странно, если учесть, что Министерство здравоохранения фиксирует крайне высокие траты на снижение наркотерапии. Более 40% всех, кто попадает в тюрьму, — молодые люди в возрасте до 30 лет. Сроки наказания с каждым годом становятся очень большие, постоянно растут — если в 2016 году средний срок наказания по тяжким преступлениям составлял 2,2 года, то на первое полугодие 2018-го — 4,9 года. Хотя еще в 2016 году средний срок наказания составлял 4,4

Фотографии:
Максим Кимерлинг/TASS;
из личного архива Ольги Киючиной

О ПЕНСИОНЕРА
шева из Перми
или к году
свободы условно
ика, выросшие
городе после
н купил и завез
новый грунт

травмы я очень долго ничего не писал, два или три года. Редакторская работа тоже стала для меня тяжелой. Пожарная охрана, милиция, скорая помощь, служба газа — вот все телефоны, которые я помню, и свой собственный. Поэтому не смог никому позвонить.

А что бы я сказал? Разве что попрощаться. Я собирался поступить радикально. Я очень хорошо представлял, что меня ждет. И, как выяснилось, совершенно точно представлял, какая меня ждет деградация. Тюрьма в плане когнитивной депривации — это все равно что жить в батискафе где-нибудь на дне Марианской впадины. И я не хотел, чтобы мои друзья... ну понимаете, преступники, они платят некий долг обществу. Я просто привык платить свои долги сам, я не хотел, чтобы кто-нибудь платил мои долги за меня. Я предполагал, что мои друзья и друзья моих друзей будут это делать, и это будет довольно тяжело. Я знаю, что это было так, я чувствовал это по их письмам.

Я все время в Сети был. Если меня нет в Сети больше суток, значит, что-то случилось. И одновременно несколько из них спохватились. Дело в том, что бюрократический аппарат самой своей природой неповоротливой, он эффективно препятствует получению любой информации. Тут просто нужно упорство, и вот упорства моим друзьям не занимать.

Искали меня в том числе и по моргам, связались с моей квартирной хозяйкой, взяли ключи, приехали. Я снимал квартиру, которую до этого снимал мой коллега, и нашли через него. Вошли в квартиру. Ну, бедлам там был всегда, у меня всегда дома беспорядок. Залезли в мой аккаунт в Google, кое-кто из моих друзей знает мои пароли... Ну я просто на всякий случай еще задолго до всего-всего завещал все свои аккаунты. Я всегда готовлюсь к худшему. Правда, к тому, что произошло, я был не готов. Отсюда вывод — реальность еще неожиданнее самых пессимистичных ожиданий.

Каким-то образом они узнали, где я находился, пока работал телефон. Проследили меня до ОВД, там все выяснили, наняли адвоката, и адвокат пришел в СИЗО.

Российские законы

Четверть российских заключенных сидят в тюрьмах по статьям, связанным с наркотиками. Среди женщин — почти 40 процентов. Начиная с 2016 года осужденные за наркотики стали самой многочисленной категорией — свыше 135 тысяч человек. И если по другим статьям число заключенных сокращается, то наркотические статьи

наращивают свой потенциал. С 2006 года прирост составил 200 процентов, хотя большинство тяжких статей с каждым годом идет на спад.

Основную массу осужденных составляют молодежь и люди без постоянного источника дохода. Никто не стремится вступаться за эту социальную группу и добиваться снижения наказания. Но рост тюремного населения приводит к проблемам, касающимся всего общества. — Уже понятно, что уголовная ответственность не уменьшает уровень потребления наркотиков в обществе и приводит только к большим социальным проблемам, — говорит поэт и социальный активист Александр Дельфинов. — Люди маргинализируются, заболевают ВИЧ, гепатитом, туберкулезом. Туберкулез очень много в местах лишения свободы. У нас генерализованная эпидемия ВИЧ, по данным федерального центра «СПИД». В России нет профилактики ВИЧ-инфекции и гепатита С. Мне довелось побывать в больнице, куда освободившихся от заключения людей с гепатитом, туберкулезом и ВИЧ отправляют умирать. Все это результат неграмотной силовой политики. Общество несет огромные потери — бюджетные и человеческие.

Часто главный вопрос для обвиняемых — по какой статье пустят его дело. Попасть в тюрьму на два года или на десять лет — не одно и то же. А разница может быть всего в десятую часть грамма.

В статье 228 есть таблица размеров наркотиков. В ней три категории: значительная, крупная, особо крупная. От объемов зависит статья, по которой будут судить человека, и мера наказания. За найденные наркотики в значительном размере грозит срок до 3 лет (это часть 1 статьи 228), в крупном размере — от 3 до 10 лет (часть 2 статьи 228), в особо крупном — от 10 до 15 лет (часть 3 статьи 228). Получается, за употребление наркотиков наказывают как за тяжкое преступление.

Похожие таблицы есть и в других странах. Проблема в том, что указанное в российской таблице количество вещества настолько минимально, что любой задержанный будет расценен как продавец, а не как потребитель. Крупный размер амфетаминов — 1 грамм, тогда как в розницу обычно продаются пакетики в 1-2 грамма. То есть, покупая лично для себя (разумеется, нелегально) амфетамины, человек заведомо получит больше, чем может при себе иметь потребитель (исходя из нормативов силовиков).

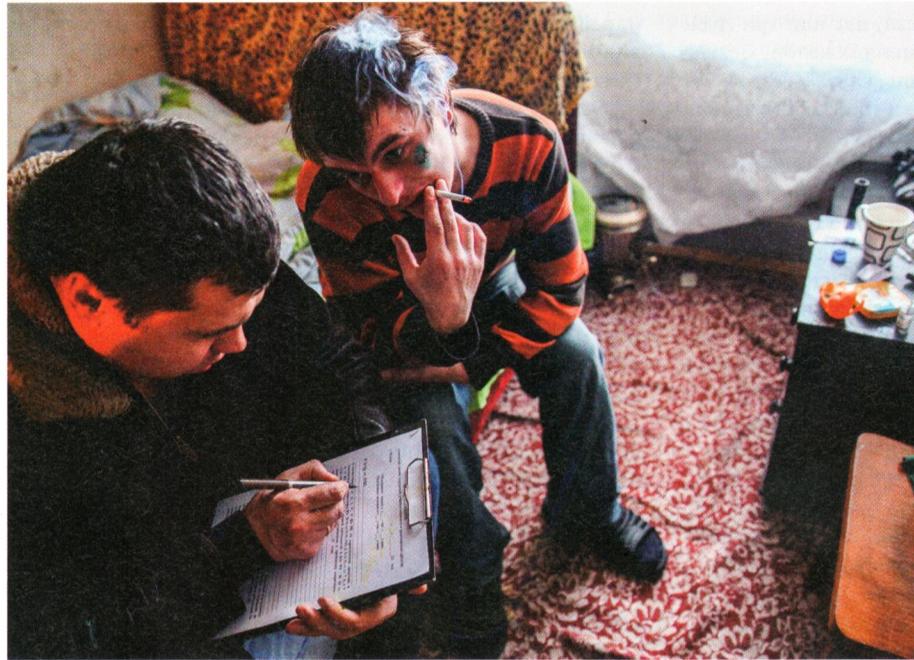
Эксперты сходятся в том, что при таком раскладе силовикам нет смысла вести опасную игру, расследуя трафик

еще не закончился, пока
живы рано. Тем не менее,
статистике зарегистрированных
ений, тренды начали меняться.
Эданным МВД, по итогам
сентября общее количество
регистрированных преступлений
снизилось на 4,6% по сравне-
нию с аналогичным периодом 2017-го, а в части
ений, связанных с незакон-
ным оборотом наркотиков, сокра-
тило 5,3%. То есть количество
преступлений стало сокращаться
чем преступность в целом.

При этом интересно, что МВД дает урезанную статистику: в январе—сентябре МВД зарегистрировало 146 тысяч преступлений, связанных с наркотиками, из них 83 тысячи (57%) — преступления, связанные со сбытом наркотических веществ. Также МВД приводит статистику по производству, пересылке и другим нарушениям оборота наркотических средств, но суммарно это всего около одной тысячи зарегистрированных преступлений. А вот статистика по правонарушениям, связанным с приобретением

и хранением наркотиков, почему-то не приводится. Судя по всему, остальные 60 тысяч зарегистрированных преступлений (примерно 40% от общего числа) как раз и связаны с приобретением и хранением наркотических веществ, то есть речь идет о пойманных наркопотребителях. Как сообщает МВД, «по сравнению с январем—сентябрем 2017 года на 3,6% увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, также

увеличился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков» — с 50,4% в январе—сентябре 2017 года до 54,8%. Исходя из этой пропорции можно говорить, что по другим преступлениям (в том числе связанным с хранением и потреблением) доля сократилась. Показывает смягчение уголовного преследования и судебная статистика. Согласно ее данным, число осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в первом полугодии сократилось на 7%.

РАБОТА ОПЕРАТИВНИКА ГОСНАРКОКОНТРОЛЯ. За все годы, что росло количество заключенных по 228-й статье, оперативники возбуждали дела по крошечным дозам наркотиков. Например, средний объем обнаруженного героина составлял 1-3 грамма

наркотиков. Сделать карьеру гораздо проще, поймав десяток наркоманов.

— Практически любое количество наркотиков оказывается криминальным, — говорит юрист и правозащитник Арсений Левинсон. — Это позволяет полиции подменять реальную борьбу с наркобизнесом посадкой потребителей. Смешается фокус, потому что основная отчетность полиции идет по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений. И им не нужно даже раскрывать сбыт наркотиков, чтобы имитировать борьбу.

Андрей Егоров. Ад существует

О том, что меня нашли, я узнал в Бутырке. С 9 на 10 мая была попытка суицида, утром 10-го меня отвезли в Бутырку, и на следующий день до меня дошли те письма, которые мне отправляли в 5-е СИЗО. Ну там, знаете, очень интересная система электронной почты, для связи с заключенными через сайт СИЗО. Там можно заказать бланк ответа, и на бланке можно написать ответ, его просто фотографируют и отправляют отправителю. Мне приходило много писем, это сильно поддерживало.

В Бутырке было довольно просто, там я был на лекарствах, стабилизатор настроения и на ночь снотворное. Там было меньше людей, чем коек. Там я просидел, кажется, до 4 июня, когда меня вернули в 5-е СИЗО. Ну и я чувствовал себя чуть более оптимистично. Оптимизм — это от недостатка информации, разумеется. Потом информации стало больше, оптимизма поубавилось.

Когда человек попадает в тюрьму, он, мягко говоря, дезориентирован, это приводит к депрессиям — у кого-то меньше, у кого-то больше. Я очень плохо переношу замкнутые пространства. Плохо переношу неприятные мне коллективы людей — не активно неприятные, а просто людей, которых я не знаю и в обществе которых вынужден находиться. В принципе, без лекарств это делать очень сложно.

Когда я снова попал в 5-е СИЗО и действие антидепрессантов прошло, меня начала преследовать одна и та же мысль: что я на самом деле не в тюрьме, а просто умер.

Я умер, и ад, в который я никогда не верил, существо и он собственно такой, каким я бы себе его представил, если бы в него верил! Там был телевизор, и они сидели как правило, РенТВ. Была там передача, называлась «В гостях у Задорнова». Ну я знаю, что Задорнов — все, к нему особенно в гости не сходишь. Я подумал, что это крайне символично, и над этим можно было посмеяться, если бы это не было так ужасно на самом деле. А что если мы правда все в гостях у Задорнова?

Надо сказать, что там есть люди, которые по дважды сидят в СИЗО. Пока идет разбирательство, пока решается суда вступает в законную силу, пока они ждут апелляции. Разбирательства бывают страшно длинными: особенно по экономическим статьям. Был у меня соинвестор, который просидел два года и досиделся до того, что его срок закончился, его должны были выпустить. И в итоге суд второй инстанции отменил приговор, и дело на доследование. Его всего равно выпустили под подписку о невыезде, потому что следствие идет.

У нас там сидел человек, который попал заодно по делу о мошенничестве, проработав в фирме, к обвинялся, всего четыре дня, — и к тому моменту мы познакомились, он провел в СИЗО уже полтора года. Тюрьма — это срез общества, как любой другой срез общества. По крайней мере, в России.

Находясь в тюрьме, я убедился в верности некоторых своих теоретических выкладок. Я выяснил, что это хорошее доказательство принципиальной возможности эволюции. В тюрьме каждый аспект устроен так, чтобы доставлять максимум страданий. Но это не сделано с целью доставить страдание — оно просто так сложилось. Система косная, безмозгшая, перегруженная бюрократией, перегруженная подопечными и чудовищно патентная. Я так понимаю, что в систему исполнения наказаний идут те, кто больше нигде не пригоден. И понятно, что такая система превратится в ад, даже без намерений. Даже если они намеряются построить сад Эдемский, этими руками ничего кроме ада вряд ли построить.

Например, прогулки. Каждый заключенный делает не меньше часа в день гулять. Гуляют, естественно, не на улице, а в прогулочных двориках, прогулочная дворик расположена на крыше, это бетонная коробка без окон, накрытая сверху крышей. Иногда между этажами и стеной видно кусочек неба, иногда туда заходит солнце, но это если повезет и прогулочный дворик выходит на правильную сторону. Небо я видел, только меня вывозили на суды о продлении меры пресечения. Это было два раза.

Я сделал потрясающее открытие, касающееся психологии групп.

Считается, чтобы быть успешным палачом, палач должен дегуманизировать жертву. На самом деле не вся правда. На самом деле, чтобы быть успешным палачом, палач прежде всего должен дегуманизировать самого себя! Он должен как-то немножко менее чувствовать себя человеком.

Пример. В СИЗО в каждой камере есть радио, оно выключено, потому что есть телевизор, и, кроме того, надоедает — у нас там было Love-радио с дюжиной в ротации, которые не менялись с самой Бутыркой ужасно. Во второй камере, в которую я попал в 5-м

Фотография:
Михаил Почуев/TASS

ходили на ту сторону, где включали радио, — время в окна днем орало это Love-радио. Мелкие стихи, от которых нельзя избавиться. Но дело в том, радио слушаем не только мы, заключенные, времщики, и они не пытаются что-то поменять! Тогда побегом от реальности были стихи. Очень долго, и за это потом приходилось очень долго расстаться. Это были моменты очень напряженной тяжной деятельности, почти как у живых людей. Тогда мозг истощался настолько, что пару дней после наконечного стихотворения я вообще не был ни на что способен. Вообще никаких мыслей не остается, просто и остро ощущаешь, как идет время, как мучительно но оно идет. Тогда — это не такой опыт, который нужно переживать, иметь о нем понятие. Я очень удивился, когда поскольку точны мои умозрительные представления. Кино смоделировать.

Международный силовой опыт

В международной наркополитике существует система международных конвенций, которые через ООН подписывались в течение всей второй половины XX века. В XXI веке венции регламентируют создание списков веществ, в том числе и незаконных в разных странах, регламентируют на производство и транспортировку и устанавливают методы борьбы с черным рынком и с преступными группами. Вплоть до конца XX века все государства

придерживались очень похожей наркополитики — политики военно-полицейского противостояния преступным группам и силовой коррекции наркопотребителей. В некоторых странах употребление было криминализовано, и за решетку попадали покупатели. К концу XX века этот формат стал подвергаться критике.

Когда в 1980-х узнали о ВИЧ/СПИД, стало ясно, что профилактические меры вступают в противоречие с силовой борьбой. Врачи и социальные работники не могли встречаться с наркоманами, потому что те подвергались репрессиям, их было невозможно найти. Это затрудняло профилактику. Из-за этого в некоторых странах речь зашла даже о легализации ряда запрещенных веществ.

В 2012-м продукты каннабиса легализовали в Уругвае, затем в некоторых штатах США; сейчас в большинстве штатов легализовано медицинское употребление конопли. Идет международный диалог о том, как относиться к разным веществам и нужно ли изменить силовой подход.

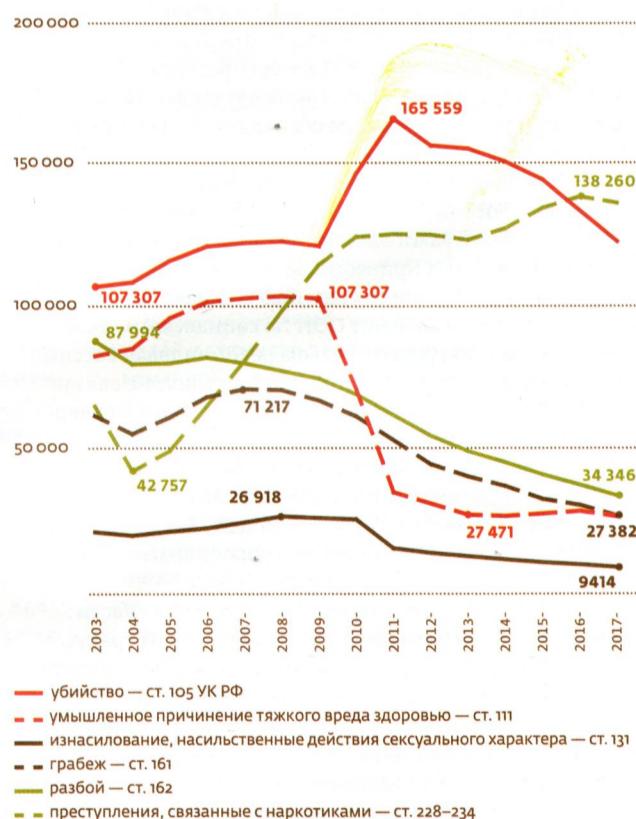
Силовая политика велась на протяжении полувека и не привела ни к уничтожению этих веществ, ни к снижению потребления, — рассказывает Александр Дельфинов. — Наоборот, произошел прогресс химического производства, стало гораздо больше веществ, их число выросло в разы. На рубеже XX-XXI веков произошла новая фармакологическая революция и появилась возможность синтеза психоактивных веществ в домашних условиях. Когда новое вещество создано, оно еще не является

Суд осужденных за преступления, связанные с оборотом наркотиков

	1 пг 2018	1 пг 2017	Динамика	Доля 1 пг 2018	Доля 1 пг 2017
всего по основной линии, всего	47 072	50 806	-7%	100%	100%
взрослых	973	1021	-5%	2%	2%
в возрасте 18-24 лет	19 989	22 480	-11%	42%	44%
в возрасте 25-34 лет	9 662	10 256	-6%	21%	20%
в возрасте 35-44 лет	7 446	8 289	-10%	16%	16%
в возрасте 45-54 лет	9 002	8 760	3%	19%	17%
в возрасте 55 лет и старше	3 961	4 356	-9%	8%	9%
внештатно в России	45 628	49 006	-7%	97%	96%
внештатно в других республиках — членов Союза Независимых государств	966	1 202	-20%	2%	2%
внештатно в иных республиках	347	488	-29%	1%	1%
из гражданства	131	110	19%	0%	0%

Хранение наркотиков в России — особо тяжкое преступление, наряду с убийством, изнасилованием и разбоем

Количество осужденных за особо тяжкие преступления, чел. (данные ФСИН)

Андрей Егоров — один из самых талантливых молодых поэтов, но его будущее туманно. Возможный диапазон наказания — от трех до десяти лет заключения

нелегальным. Прекрасная возможность обходить закон. Когда в 1960-е составлялись первые списки веществ, там были десятки наименований. Сегодня в мире тысячи нелегальных веществ.

Декриминализация легких наркотиков могла бы решить немало проблем, считают эксперты. Исчезли бы «палевые» наркотики, снизилась заболеваемость ВИЧ и гепатитом, тюремы опустели, а полицейские повысили раскрываемость других статей.

— Почему организованная преступность занимается наркотиками? — рассуждает Александр Дельфинов. — Потому что это очень прибыльный бизнес. На каждый вложенный доллар — тысяча процентов прибыли. Прибыль зависит от риска. Чем рискованней товар, тем выше цена. Один из способов борьбы с оргпреступностью — снизить стоимость веществ. После легализации цена веществ на черном рынке резко падает, и преступность теряет к нему интерес.

Разговор о необходимости смягчить 228 статью идет уже не первый год. То, что в законе образовался перекос, понимают уже и сами власти. Владимир Путин еще в 2015 году поручил привести 228 статью Уголовного кодекса в соответствие со степенью ее общественной опасности. В 2017 году комитет ООН по социальным, экономическим и культурным правам рекомендовал России полностью декриминализировать действия, не связанные со сбытом наркотиков. Изменение закона поддержала уполномоченный по правам человека Татьяна Москалькова. Однако дальше заявлений за три года так и не пошло. Возможно, силовикам просто невыгодно менять сложившееся положение вещей. Арсений Левинсон уверен, что они намеренно сгущают краски, говоря о наркотической угрозе:

— Эта кампания обеспечивает легитимность власти: мы боремся с наркотиками, мы вам нужны. И градус постоянно накаляется. Виктор Иванов, будучи директором Госнаркоконтроля, говорил о «наркоцунами, которым охвачена Россия», что, конечно, полная профанация. Они развивают наркофобию, говоря, что это чудовищная опасность для здоровья нашей нации. Мол, если мы не будем сажать наркозависимых, нация погибнет.

Все популисты на этом спекулируют. Хотя опасность представляют не сами наркотики — это не причина их следствие. Существует огромное лобби силовых структур, которым нужно выполнять план. Работа не привыкли, а раскрыть меньше тяжких преступлений за прошлый период, нельзя. Они будут всячески препятствовать изменениям.

Андрей Егоров. Проказа

Мне очень сложно рассказать что-то о моем следстве, потому что, во-первых, он уже третий у меня — я не знаю, что с ними случается. Во-вторых, я не то чтобы с ними много взаимодействовал. Это люди, которые просто продолжают мне меру пресечения, опять же не по моему умыслу. Они не выразили никакой фрустрации, когда меру пресечения мне не продлили. Это просто такая инерция системы.

Система обладает чудовищной инерцией, переведе ее в другую сторону практически невозможно. Следствие перегружено, вся система перегружена, и она сама мешает, и вот собственно из-за этого я сейчас нахожусь в СИЗО. Ну просто держат меня пятый месяц в СИЗО, когда как четыре месяца следствием не было сделано никакого сочла нецелесообразным.

Когда у меня было последнее слушание о продлении меру пресечения, моих адвокатов предупредили в этот момент, и они не успели явиться. Я говорил сам, а государственный защитник — все, что он из себя выдавил: «Я поддерживаю требование мое подзащитного». И все.

Сейчас я жду, пока вступит в силу судебное решение о стационарной психиатрической экспертизе, и придется это сделать — месяц я проведу в психиатрической больнице. Невменяемым меня никто не признает. Для всего этого хватало бы и лабораторной экспертизы, еще называют пятиминуткой. Но дело в том, что у меня есть в анамнезе попытка суицида, и они подстраховаться.

После психиатрической экспертизы, когда завершится следствие, я ознакомлюсь с материалами следствия, передадут в прокуратуру, после этого оно проследует в прокуратуру и отправится в суд.

Мы с адвокатом собираемся брать особый порядок, чтобы не усложнять все это, я сам во всем сознательно и как-то порядок, кроме особого, просто затянут неизвестность на неопределенное время.

По статье 228 суд может назначить наказание от трех до десяти лет. Срок может быть и условный, но от чего это зависит, мне не удалось понять. Всего примерно пятьдесят на пятьдесят.

Статья 228 — это такой современный вариант и Прокаженных стремятся избегать. Я знаю, что новый адвокат возьмется за статью 228, в отличие от моего. Убийцами может быть что-то не ясно, а с наркотиками всем «все ясно».

Когда в очередной раз говорят о том, что нужно наказывать за наркотики, чуть ли не главный такой: «подумайте о детях». Я просто посмотрел и посмотрел, сколько там детей. Я бы просто вспомнил о детях».

Насколько хорошо вы знаете, чем занимается ребенок? **PP**

КОЛОНКА

Борьба с наркобизнесом: первые шаги

Политическая полемика в отношении проблемы наркотиков (как и других проблем) в нашей стране ведется с тем расчетом, чтобы общество и разумные эксперты ни на что не влияли. Чиновники, силовики и телевизор обращают внимание только на крайние позиции, настолько крайние, что противники друг для друга уже за пределами добра и зла. Рейтинги есть, а диалога нет.

Скажем, разумно-либеральная позиция состоит в том, что в России много, зря и надолго сажают за наркотики, а наркозависимых надо социализировать и лечить. Оппоненты, критикуя эту позицию, представляют либералов сторонникамиtotalного легализа и отмены любого контроля над тяжелыми наркотиками. Еще обычно приводят примеры, как целые поколения чуть не вымерли в 1990-х — начале 2000-х от героина (намекая, что либералы, мол, хотят вернуть страну в этот кошмар «в интересах наркомафии и внешних врагов»).

Разумно-консервативная позиция состоит в том, что в обществе не может быть свободного оборота тяжелых и опасных для жизни наркотиков, подобных героину. Наркозависимые не могут делать свободного выбора. А те, кто продает им героин, — преступники и убийцы, пренебрегающие чужими жизнями ради прибыли. Значит, и наказание должно быть соразмерным. Оппоненты называют их сталинистами и садистами и считают, что те одобряют массовые репрессии в отношении молодежи, балующейся травкой и экстази.

Диалог между ярыми «либералами» и «консерваторами» невозможен: обвинив друг друга в самых страшных грехах, остается только дать в морду. Что выгодно тем, кто преваливает нужные решения в кулуарах: они могут делать что угодно, кивая на то, что альтернатива еще хуже.

Но между крайностями — большое поле тезисов, которые могли бы признать справедливыми обе стороны. «Либерал» и «консерватор» не сойдутся в отношении к легализации легких наркотиков, однако согласятся в том, что наказание потребителей вместо борьбы с настоящим трафиком — преступно. Силовики ловят потребителей и мелких распространителей, сроки заключения растут — но почти ничего не слышно о раскрытии крупных каналов поставки и серьезных делах против глав наркомафии.

Это означает, что надо смягчить наказание для потребителей и повысить — для «крупняка». Силовики скажут, что так им будет сложнее работать, потому что, угрожая потребителю уголовным сроком, они не смогут выйти на мелкого пушера. Так сложнее для плана посадок, для палочного системы, но для дела лучше — теперь придется ловить пушера, чтобы выйти хотя бы на дилера. Пока же, по статистике, общее количество изъятых наркотиков (в килограммах) падает (!), между тем как средний срок тюремного заключения по наркотическим делам растет.

Вообще система антинаркотической борьбы должна получить новые стимулы и инструменты. Сейчас средний опер по наркотикам ловит парня или девушку с закладкой, потом обстряпывает провокацию, чтобы они подставили друзей и знакомых. Его стимул — количество дел.

Опер почти не делает самого интересного — оперативной работы и аналитики, его заела бумажная работа. Текущее положение не выгодно никому, кроме криминала.

Чтобы изменить схему и построить новую антинаркотическую политику, понадобится чрезвычайщина, перестройка управления, в результате которой следователи могли бы работать, зная, что у них есть лидер, который сможет отбивать «своих» от наездов наркомафии — поскольку во всех странах и регионах у наркомафии наверняка есть силовая крыша.

С чрезвычайными полномочиями создавался в начале 2000-х и Госнаркоконтроль, который довольно быстро

Сейчас средний опер по наркотикам ловит парня с закладкой, потом обстряпывает провокацию, чтобы он подставил друзей и знакомых. Его стимул — количество дел

занялся захватом бизнеса. После бесславного закрытия ведомства сажать стали чуть-чуть меньше. Так что новая «чрезвычайщина» должна избежать ошибок старой. Надо не создавать новое ведомство, а суметь поставить правильные цели.

Но кроме разумной гуманизации наказаний и изменения целей и стимулов для следаков, настоящая борьба с наркоманией — это улучшение качества жизни и социальная политика. Надо помогать зависимым, лечить, реабилитировать и социализировать, во всяком случае тогда, когда они хотят этого сами. Но таких программ пока крайне мало.

В интересах общества было бы правильно обсудить идеи, не вызывающие сомнений, и добиться реализации. Полная победа над наркомафией и наркоманией пока не одержана нигде — ни там, где много сажают, ни там, где предпочитают либеральные меры. Споры могут длиться вечно. Но ближайшие шаги понятны. Лучше начать двигаться.